

**ДЕЙКСИС В ОТСУТСТВИЕ ГОВОРЯЩЕГО:
О СЕМАНТИКЕ НЕМЕЦКИХ ДЕЙКТИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ
HIN И *HER***

**DEIXIS WITHOUT SPEAKER:
TOWARDS THE SEMANTICS OF THE GERMAN DEICTIC ELEMENTS
HIN AND *HER***

Добровольский Д.О. (dm-dbrv@yandex.ru), *Институт русского языка РАН*
Падучева Е.В. (elena708@gmail.com), *Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН*

Традиционно семантика дейктических элементов *hin* и *her* описывается исходя из позиции говорящего. Это верно, однако, только для канонической коммуникативной ситуации. В неканонической ситуации (когда говорящий и адресат находятся в разных местах) и, тем более, в гипотаксисе и нарративе «дейктические полномочия» передаются другому лицу.

Во время работы над «Новым большим немецко-русским словарем» возникла проблема при попытке адекватно представить ряд дейктических слов. В немецком языке есть огромное количество слов с элементами *her* (≈ ‘сюда’) и *hin* (≈ ‘туда’), выражающими идею направления движения. Слова *hin* и *her* употребляются также и самостоятельно в различных комбинациях с глаголами и адverbиальными конструкциями для выражения пространственных отношений между участниками ситуации.

Традиционно семантика этих дейктических элементов описывалась как ‘по направлению к говорящему’ для *her* и ‘по направлению от говорящего’ для *hin*. Например: *komm her!* ‘иди сюда!’; *Bier her!* ‘пиво давай <сюда>!’; с другой стороны, *geh hin!* ‘иди туда!’; *nach oben hin* ‘вверх (при том, что говорящий находится внизу)’.

Казалось бы, эти формулировки могут быть использованы в качестве комментария и в лексикографии – что реально и имеет место во всех известных нам толковых немецких словарях. Особенно необходим подобный комментарий в немецко-русском словаре. Дело в том, что в русском языке нет таких системно организованных (т.е. почти грамматических) средств для выражения этих смыслов. Так, глаголы *hereinführen* и *hineinführen* оба переводятся на русский язык с помощью глаголов *вводить* / *ввозить*, так что идея ‘вводить/ввозить сюда, т.е. по направлению к говорящему’ vs. ‘вводить/ввозить туда, т.е. по направлению от говорящего’ в русском языке часто вообще не выражается.

Однако более внимательный анализ показал, что комментарии к немецким *her* и *hin*, апеллирующие к традиционному правилу, искажают реальную картину. Так, человек, желающий войти в некоторое помещение (в стандартной ситуации) спросит, постучав, *Darf ich herein?* (т.е. *Можно мне войти?*, сокращенная форма от *Darf ich hereinkommen?* ‘Можно мне сюда войти?’), а не *Darf ich hinein?* (букв. ≈ ‘Можно мне туда войти?’), т.е. явно нарушит традиционное правило: предполагаемое перемещение в пространстве должно совершаться не по направлению к говорящему, а от его исходного местонахождения; а именно, по направлению к адресату.

Предпочтительность формулы *Darf ich herein?* подтверждается данными немецкоязычного Интернета. На *Darf ich herein?* нами обнаружено более 600 контекстов употребления, в то время как форма *Darf ich hinein?* представлена только 50 контекстами, большинство из которых не вполне стандартны или подразумевают принципиально иное пространственное расположение коммуникантов: вопрос *Darf ich hinein?* (сокращение от *Darf ich hineingehen?* ‘Можно мне туда войти?’) обращен не к адресату, находящемуся внутри помещения, в которое хочет войти говорящий, а к адресату, стоящему рядом с говорящим снаружи.

Можно думать, что мы имеем здесь дело с достаточно общим явлением, которое можно описать так. Вопрос *Darf ich hinein?* уместен в канонической (см. Lyons 1979: 579) коммуникативной ситуации, когда говорящий и адресат находятся в **одном и том же** месте. А вопрос *Darf ich herein?* задается в неканонической (хотя и речевой) ситуации – когда говорящий и адресат находятся в **разных** местах. Тем самым говорящий оказывается перед выбором – на кого ему ориентироваться, на себя или на адресата. Разные языки закрепили разные ориентации;

немецкий выбрал ориентацию на адресата (так сказать, «политкорректную»)¹. Так что преобладание вопроса с *herein* обусловлено естественным количественным преобладанием такого внешнего контекста для этого вопроса, когда говорящий и адресат находятся по разные стороны от двери, т.е. в разных пространствах.

Надо сказать, что русский говорящий был бы в затруднении, если бы захотел в этой ситуации употребить местоименное наречие: *Можно мне войти туда?* – это нонсенс, но и *Можно мне сюда войти?* не лучше. Полнейшее «ни туда, ни сюда».

Примеры, близкие к немецкому, можно найти в китайском языке: дейктические элементы с аналогичной функцией (*lái* ≈ ‘к X-у, сюда’ и *qù* ≈ ‘от X-а, туда’) ведут себя в соответствующих ситуациях так же, как в примере «*Darf ich herein?*», когда говорящий мысленно ставит себя в позицию адресата: *Kě yǐ jìn lái ma?* (букв. ≈ ‘Можно войти сюда?’). Так что можно предположить, что мы здесь имеем дело не с уникальной особенностью немецкого языка, а с более или менее универсальным явлением, связанным с общими принципами функционирования дейксиса. Видимо, в такой ситуации говорящий всегда может встать на позицию адресата (как бы предвосхитив его последующую реплику), и разница между языками состоит лишь в степени обязательности этого сдвига позиции. В самом деле, в случае грамматикализации дейктических элементов язык должен обеспечивать говорящему какой-то выход из положения.

Итак, субъектом дейксиса может быть не только говорящий.

Универсальность принципов перехода от одной ориентации дейктических элементов на другую подтверждается тем, что и в русском языке, хотя он и не располагает подобными регулярными лексическими показателями пространственного дейксиса, обнаруживается немало аналогичных стратегий употребления дейктических слов. Ср., например, употребление русских наречий *справа* и *слева* в контекстах типа

(1) Ты не видел мои очки? – Да вот же они у тебя, слева.

При этом *слева* с точки зрения говорящего может оказаться и ‘справа’. Всё дело в том, принял ли говорящий точку зрения своего адресата-визави или остался на своей.

Очевидно, в немецком то же самое: когда говорящий спрашивает *Darf ich herein?*, он встает на точку зрения адресата. Разница в том, что в русской ситуации *слева-справа* у говорящего есть выбор, а в случае немецкого *Darf ich herein?* выбор предопределен узусом. Такой же переход на точку зрения адресата в латинских так называемых «эпистолярных временах», суть которых, согласно Есперсен 1958: 343, состоит в том, что автор письма переносится в то время, когда это письмо будет читаться, и поэтому употребляет имперфект или перфект, где для нас единственно естественной является форма настоящего времени.

Отсюда можно сделать вывод, что более точным описанием дейктических слов, подобных немецким *her* и *hin*, должен быть комментарий типа «по направлению к говорящему – или к адресату, если говорящий принимает его точку зрения» vs. «по направлению от говорящего – или от адресата, если говорящий принимает его точку зрения».

Однако и включение адресата в субъекты дейксиса не покрывает всех релевантных случаев. Так, в нарративе субъектом дейксиса может оказаться не говорящий и не адресат, а более или менее любой персонаж, которого автор наделяет функцией субъекта восприятия: любое лицо может быть «заместителем» говорящего. Например, предложение *er trat herein* ‘он вошел’ предполагает наблюдателя, который воспринимает ситуацию не с точки зрения субъекта действия (*er*), а как бы находясь в помещении, в которое вошел субъект. Русским предложением *он вошел* может переводиться и *er trat herein*, и *er trat hinein*. В последнем случае наблюдатель находится снаружи.

В русском языке есть способ выразить положение наблюдателя – это порядок слов и коммуникативная перспектива предложения. Так, в (2б), практически однозначно, наблюдатель в кафе, а в (2а) – снаружи:

- (2) а. Полицейский вошел в кафе;
б. В кафе вошел полицейский.

Итак, при объяснении значения дейктических элементов *her* и *hin* более адекватным представляется комментарий, в котором «адресат» будет заменен на «лицо, точку зрения которого принимает говорящий», т.е. должно быть что-то вроде «по направлению к говорящему или лицу, точку зрения которого принимает говорящий» vs. «по направлению от говорящего или лица, точку зрения которого принимает говорящий». Только в этом случае будут приняты во внимание также и контексты нарративного употребления данных дейктических слов. Это «лицо», являющееся нарративным заместителем говорящего, естественно назвать наблюдателем.

¹ Выбор между *hin-* и *her-* формами доставляет, видимо, определенные трудности и носителям немецкого языка, поэтому в разговорном языке почти всегда употребляются редуцированные формы типа *rein*, в которых снято интересующее нас противопоставление (ср., например, Krause 1998). Так, *rein* – это разговорный аналог как *herein*, так и *hinein*. Иными словами, придерживающийся разговорного стандарта человек, желающий войти в некоторое помещение, спросит *Darf ich rein?*, оставив тем самым открытым вопрос о выборе ориентации.

Иными словами, в речевом режиме соперником говорящему может быть только адресат; а в нарративе это может быть и «третье лицо».

Замечание. Интересно в этой связи слово *сцена*, в контексте которого глаголы движения по-разному употребляются в разных языках. По-французски нельзя сказать *sortir sur scene*, что соответствовало бы пословно русскому *выйти на сцену*: нужно сказать *entrer sur scene*, букв. ‘войти на сцену’. Но здесь дело не в позиции наблюдателя (ведь и войти и выйти можно как **ко** мне, так и **от** меня), а в том, что в русской модели мира сцена мыслится как **открытое** пространство, на которое выходят из какого-то более **замкнутого** (см. Апресян 1995: 490), а для французского свойства исходного пространства не играют роли. Иными словами, русский глагол сохраняет идею предварительного пребывания субъекта в замкнутом пространстве (возможно, темном или плохом), а французский выражает только идею ‘появиться’ (т.е. ‘начать находиться’). Прошное местонахождение субъекта французский выбор глагола никак не отражает.

В ряде конструкций употребление *her* или *hin* лексикализовано. Т.е. в этих конструкциях у говорящего нет свободы в выборе эгоцентрика. Можно подумать, что подобная лексикализация объясняется исключительно капризами узуса. Однако на самом деле выбор *her* или *hin* в таких конструкциях семантически мотивирован. Дело в том, что в определенных ситуациях одна из возможных позиций наблюдателя оказывается более естественной, чем остальные. Например, если некто толкает перед собой тележку, то в этой ситуации можно сказать лишь *vor sich her schieben* (а не **vor sich hin schieben*). Вопрос, почему. В данной ситуации нет ни говорящего, ни адресата. Это нарратив. Понятно, что говорящего замещает некоторое другое лицо: повествователь или Erzählmedium, «через которого» описывается происходящее, т.е. глазами которого «пользуется» автор. Казалось бы, можно предположить, что в рассматриваемой ситуации в качестве Erzählmedium’a может выступать в том числе и субъект описываемого действия. В этом случае единственно уместным было бы выражение *vor sich hin schieben*; между тем, оно противоречит устоявшимся нормам. Видимо, в таких ситуациях более естественно встать на позицию стороннего наблюдателя, стоящего лицом к субъекту действия, т.е. наблюдателя, для которого перемещение в пространстве будет осуществляться в направлении ‘сюда’, а не ‘туда’.

Наши наблюдения за употреблением данных дейктических частиц в конструкциях с *vor sich* показали, что эти конструкции в высокой степени лексикализованы, причем эта фиксация зависит от естественности той или иной перспективы, т.е. позиции наблюдателя – что в свою очередь зависит от семантики соответствующего глагола. Так, ментальные глаголы, глаголы говорения и внутренних состояний, а также глаголы со значением физического действия, передающего некоторое внутреннее состояние, сочетаются с конструкцией *vor sich hin*.
Примеры.

- (3) а. Er grübelte *vor sich hin* und begann langsam zu verzweifeln.
Он ломал себе голову и постепенно начал приходить в отчаяние (букв. «размышлял/раздумывал про себя»).
- б. Nun lief er weiter und murmelte immer *vor sich hin* <...>.
Он побежал дальше и все бормотал себе под нос <...> («про себя», «сам себе»).
- в. Peter Smith, Journalist, fluchte leise *vor sich hin*.
Журналист Петер Смит тихо выругался про себя.
- г. Die Schlafkrankheit hat ihren Namen dadurch erhalten, dass die Kranken *vor sich hin* dämmern.
Сонная болезнь, потому так и называется, что больные находятся как бы в полузабытьи (букв. ≈ «смеркаются про себя»).
- д. Er nickte *vor sich hin* und sagte abschließend: «Das ist wichtig».
Он кивнул как бы сам себе и сказал подытоживая: «Это важно».

Как видно из примеров, конструкция *vor sich hin* приблизительно соответствует русским *про себя*, *сам себе*, *сам с собою*. Она фокусирует состояние субъекта и как бы задает перспективу «по направлению к субъекту», а не «от него». Соответственно, с точки зрения наблюдателя (а в контекстах 3 лица естественно предположить, что наблюдатель – это не сам субъект) перспектива переворачивается, т.е. с субъектом происходит нечто, направленное на него самого, а значит, «от наблюдателя». Видимо, по этой причине в составе конструкции закрепился дейктический элемент *hin* ('от субъекта восприятия'), а не *her*. Это особенно хорошо видно на примере вербальных действий. В обычном случае вербальные действия направлены вовне. Именно так были бы прочитаны контексты (3б) и (3в), если бы глагол не сопровождался конструкцией *vor sich hin*. Функция этой конструкции – указать, что действие субъекта направлено не на адресата, а на самого себя. Ср. русские *выругался* и *выругался про себя*. Дейктический элемент *hin* осмыслен здесь лишь при допущении, что субъектом дейкиса является наблюдатель, а не лицо, выраженное подлежащим.

Рассмотрим теперь функционирование конструкции *vor sich her*.

- (4) a. Das Pferd wäre auch durchgegangen, wenn es nicht ein Bauer aufgehalten hätte, der <...> eine Kuh *vor sich her* trieb.

Лошадь тоже бы прошла, если бы ее не задержал крестьянин <...>, гнавший перед собой корову.

- b. Während Christine nun diesen Wagen *vor sich her* schiebt <...>.

Пока Кристина толкает перед собой машину <...>.

- v. Blogs <...> tragen keine Ziele *vor sich her* <...>.

Блоги <...> не ориентированы на какие-либо цели <...> (букв. «не несут перед собой никаких целей», т.е. целей, направленных на что-л./кого-л.).

- г. Die können 30 Jahre einfach so *vor sich her* unterrichten.

Они [речь идет о плохих учителях] могут 30 лет подряд просто так тихо себе преподавать.

Конструкция *vor sich her* отличается от *vor sich hin* тем, что описываемое действие (чаще всего физическое) направлено вовне. Соответственно, с точки зрения внешнего наблюдателя действие совершается в направлении «к нему», а не «от него», что и выражается словом *her*.

Очевидно, что подобные наблюдения весьма значимы для лексикографии и контрастивной лингвистики (а возможно, и для общей теории дейксиса).

Еще один сложный момент в употреблении рассматриваемых дейктических слов – функционирование вопросительных местоименных наречий, в состав которых входят *her* или *hin*. Значение данных дейктических элементов (и соответственно их перевод на русский язык) меняется в зависимости от того, употребляется ли это наречие в прямом вопросе или в качестве относительного наречия в гипотаксисе. Это связано с тем, что в речевом акте вопроса субъектом дейксиса является говорящий, а в гипотаксисе – субъект матричного предложения. Ср., например:

- (5) a. *Woherunter* sind sie gefahren?

Это по какой такой дороге они поехали вниз? [скорее всего, в контексте переспроса с эмфатическим ударением – когда важнее место, чем направление; в нефорсированных вопросительных контекстах форма *woherunter* и ей подобные воспринимаются как явно устаревшие; сейчас в этом случае скажут *Wo sind sie heruntergefahren?* или даже скорее *Wo sind sie runtergefahren?*]

- b. Alle schauten entsetzt auf den Felsen, *woherunter* der Bergsteiger gestürzt war.

Все в ужасе посмотрели на скалу, откуда <с которой> сорвался альпинист.

Выбор наречия *woherunter* (в отличие от *wohinunter*) мотивирован в случае (5a) пространственным положением говорящего. Понятно, что в момент речи говорящий находится внизу (если бы он стоял на горе, он спросил бы *wohinunter...?*). А в случае (5b) выбор наречия объясняется местонахождением людей, смотрящих на скалу (*alle*). Контекст ясно показывает, что они стоят внизу и смотрят на скалу снизу вверх.

Наши *hin-* и *her-*слова показывают (как им и положено), где наблюдатель. *Woherunter* – это как бы «где-сюда-низ», а *wohinunter* – «где-туда-низ». Соответственно, если наблюдатель наверху, он скажет «где-туда-низ», т.е. *wohinunter*, по-русски что-то вроде *куда (вниз)*, а если он внизу – *woherunter* – «где-сюда-низ», т.е. что-то вроде *откуда (вниз)*.

Что стоит за всеми этими явлениями по сути? Очевидно, речь идет об общих проблемах различия в употреблении и интерпретации дейксиса в зависимости от того или иного режима функционирования языка. Иными словами, для понимания функционирования подобных дейктических элементов необходимо развести три различных режима их употребления: (а) диалоговый (речевой) режим, (б) гипотаксис, (в) нарратив.

Известно, что повествовательный текст (нарратив) функционирует в обедненном контексте. Восприятие и интерпретация нарратива происходит в условиях особой – редуцированной, ущербной коммуникативной ситуации: в контексте, где нет полноценного говорящего: автор и читатель не связаны единством места и времени, не имеют общего поля зрения и не могут видеть жестов друг друга. А если речь идет о *fiction*, то они вообще не принадлежат МИРУ текста.

Двум разным контекстам употребления языка соответствуют разные РЕЖИМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ текста: различаются РЕЧЕВОЙ режим и НАРРАТИВНЫЙ.

Говорящий может присутствовать в семантике языковых единиц в разных ипостасях. Прежде всего – как субъект речи. А кроме того, говорящий может быть представлен в тексте как субъект ДЕЙКСИСА, субъект ВОСПРИЯТИЯ и субъект СОЗНАНИЯ (т.е. модальности, мнения, оценки, эмоции, и тому подобное).

Эгоцентриками являются грамматические категории (такие, как время и вид); слова типа *я, ты, здесь, сейчас, тут, там, этот, тот, вон, вот*; типа *к счастью, все-таки, по правде говоря; да, нет, в самом деле* и т.д. Если во фразе есть эгоцентрик, это значит, что в обозначаемую ситуацию включен СУБЪЕКТ – который в поверхностной структуре может быть и не выражен.

В первом приближении этим субъектом является говорящий (например, *увы* и *к счастью* выражают сожаление и радость говорящего). Однако если приглядеться, то оказывается, что одни эгоцентрики действительно предполагают **именно** говорящего, а для других это может быть как говорящий, так и другое лицо. Так что эгоцентрики бывают первичные и вторичные. Первичные эгоцентрики реализуют свой смысл только в условиях канонической речевой ситуации и ориентируются всегда **только** на **полноценного** говорящего; а вторичные могут быть ориентированы не только на говорящего, но также и на другое лицо. Так, в примере (6) *какую-то* – вторичный эгоцентрик; предполагает субъекта неопределенности-незнания, и в (6а) этим субъектом является говорящий, а в (6б) – подлежащее 3 лица, Маша:

- (6) а. Она хочет спеть *какую-то* песню = ‘я не знаю, какую’ [*какую-то* ориентировано на говорящего, который является субъектом незнания];
б. Маша сказала, что на столе *какая-то* записка [субъект незнания – Маша].

Можно сказать, что у слова *какой-то* есть семантическая валентность на субъект незнания, и, поскольку *какой-то* – вторичный эгоцентрик, субъект незнания допускает интерпретацию в разных режимах.

Вторичными эгоцентриками являются также и рассматриваемые нами немецкие *her* и *hin*. Мы покажем, что *her* и *hin*, будучи вторичными эгоцентриками, допускают три интерпретации:

- (i) интерпретация в речевом режиме, субъект дейксиса – говорящий;
(ii) интерпретация в гипотаксическом режиме, субъект дейксиса – подлежащее матричного предложения;
(iii) интерпретация в нарративном режиме, субъект дейксиса – какое-то лицо в контексте.

Ниже приводятся примеры из параллельного корпуса НКРЯ. В качестве источника мы взяли сказку Э.Т.А. Гофмана «Крошка Цахес»: в оригинале (Е.Т.А. Hoffmann «Klein Zaches genannt Zinnober») и в русском переводе.

(i) интерпретация в речевом режиме, субъект дейксиса – говорящий:

- (7) «Gott im Himmel», rief der Kammerdiener entsetzt, «aus dem Fenster der gnädigen Exzellenz kuckte ja das kleine abscheuliche Ungetüm *heraus*. – Was ist das?»
– Боже праведный, – вскричал камердинер в ужасе. – Да ведь это мерзкое чудище выглянуло из окна их превосходительства. – Что б это значило?

Здесь говорящий явно находится снаружи, поэтому с его точки зрения возможно только *heraus*. *Hinaus* было бы неверно. Работает то самое стандартное правило, которое записано в словарях и учебниках. Наиболее точно его можно записать следующим образом: *heraus* означает ‘наружу (при обозначении перемещения из более замкнутого в более открытое пространство по направлению **к** говорящему)’. *Hinaus* означает ‘наружу (при обозначении перемещения из более замкнутого в более открытое пространство по направлению **от** говорящего)’. Здесь, в отличие от русского языка, противопоставляется не ВНУТРЬ и НАРУЖУ, а ОТ и К: *hinaus* / *heraus* – оба НАРУЖУ (ВНУТРЬ было бы *hinein* / *herein*.) Разница в том, что одно НАРУЖУ ОТ, а другое – НАРУЖУ К.

(ii) интерпретация в гипотаксическом контексте, субъект дейксиса – подлежащее матричного предложения:

- (8) Er hatte sich geirrt, denn aus dem Gebüsch heraustretend, gewahrte er ganz in der Ferne, wie noch ein anderer stattlicher Reiter sich zu dem Kleinen gesellte und wie nun beide in das Tor von Kerepes *hineinritten*.

Но он ошибся. Выйдя на опушку, он увидел, как вдалеке к малышу присоединился другой всадник, статный с виду, и оба уже въезжали в ворота Керепеса.

Здесь субъектом дейксиса является субъект главного предложения (т.е. *er*), который, стоя в лесу, наблюдает, как всадники въезжают в ворота. С точки зрения наблюдателя это перемещение из более открытого пространство в более замкнутое по направлению от него, наблюдателя. Дейктический компонент *hinein* в составе глагольной формы *hineinritten* показывает (в силу общих законов интерпретации вторичных дейктических элементов в гипотаксическом контексте), что в качестве наблюдателя выбран именно данный персонаж (а не, например, кто-либо, находящийся внутри Керепеса). К тому же этот персонаж является просто субъектом наблюдения (*он увидел, как*).

(iii) интерпретация в нарративном режиме, субъект дейксиса – какое-то лицо в контексте:

- (9) Prosper Alpanus senkte sich *herab* zu dem Jüngling, an dessen Seite er Platz nahm, während die Libelle aufflog in ein Gebüsch und in den Gesang einstimmte, der durch den ganzen Wald tönte.

Проспер Альпанус спустился к юноше и сел подле него, стрекоза упорхнула в кусты, вторя пению, наполнявшему весь лес.

Здесь в принципе возможно и *hinab*. Но в этом случае субъектом дейксиса был бы Проспер Альпанус. А в перспективе повествования, выбранной автором, субъект дейксиса – юноша. Как видно из перевода, русский язык не располагает стандартными средствами, позволяющими выразить эти различия: ‘спустился сюда’ vs. ‘спустился туда’. Более точный перевод был бы «Проспер Альпанус спустился сюда к юноше».

Наоборот, *hinauf* в предложении (10) – которое в тексте предшествует предложению (9) – развертывает событие в противоположной перспективе. Субъект восприятия здесь тот же юноша. Но в одном случае движение направлено к нему, потому что Проспер Альпанус спустился к нему вниз, а в другом – от него (ср. движение глаз юноши, когда он посмотрел вверх).

(10) Er schaute *hinauf* und erblickte staunend Prosper Alpanus, der auf einem wunderbaren Insekt, das einer in den herrlichsten Farben prunkenden Libelle nicht unähnlich, daherschwebte.

Он поднял глаза и с изумлением увидел Проспера Альпануса, летевшего к нему на каком-то диковинном насекомом, не лишенном сходства с великолепной, сверкающей всеми красками стрекозой.

Он (юноша) – субъект восприятия и субъект дейксиса. Он находится внизу, а Проспер Альпанус на стрекозе – наверху. Следовательно, адвербиал *herauf* (≈ ‘сюда наверх’) здесь был бы неуместен. С точки зрения юноши, он смотрит ‘туда наверх’, т.е. *hinauf*.

Итак, мы видим, что *her* и *hin* могут, как и другие вторичные эгоцентрики, быть ориентированы не на говорящего.

Интересно рассмотреть еще одно явление, которое можно трактовать как отказ говорящего от своих дейктических прав и переход на точку зрения адресата. В стихотворении Бродского (пример из Падучева 1996: 264) местоимение 2 лица *ты*, фактически, обозначает говорящего:

(11) Пространство в тысячу ли...

Тысяча означает, что ты сейчас вдали

От родимого крова...

И.И.Ковтунова предлагает рассматривать этот сдвиг от 1-го лица ко 2-му как происходящий в два приема. На первом этапе говорящий отказывается от своих прав на называние себя в 1-м лице и переходит на положение 3-го лица, как в нарративе. «Речь о себе в третьем лице дает <...> возможность сделать себя объектом восприятия со стороны адресата речи – друга, возлюбленной, вечного лирического *ты*, вызывает к жизни и вводит ее <может быть, ее /его?> точку зрения. Речь от первого лица этой возможности не дает, поскольку автор и объект речи слиты в одном лице. Третье лицо их разъединяет, устанавливает между ними дистанцию.» (Ковтунова 1986: 94).

В качестве примера перехода говорящего на положение 3-го лица И.И.Ковтунова приводит 3 лицо лирического героя в стихах Блока из цикла «Кармен». Для нарратива на переходе от 1 лица к 3-му все заканчивается. Между тем в лирическом стихотворении это 3 лицо говорящего может естественно стать вторым для изначально заложенного в структуру лирического жанра внешнего адресата. На этом пути мы получаем объяснение для *ты* говорящего в строчках из Бродского. Оказывается, что это *ты* (от которого два шага до обобщенно-личного *ты*, как оно описано в Булыгина 1990) достигается тем же переходом говорящего на позицию адресата, который дает *herein* в нашем исходном примере *Darf ich herein?*

И последний пример. Понятие режима интерпретации позволяет дать теоретическое обоснование истокам неоднозначности, связанной с противопоставлением внешнего и внутреннего адресата в лирическом стихотворении, см. Виноградов об Ахматовой (Виноградов 1935/1976) и, позднее, Ковтунова 1986. Мы продемонстрируем эту неоднозначность на примере стихотворения Пушкина «Город пышный, город бедный... 1828» (на это стихотворение, точнее – на возможность неоднозначного его понимания – обратила наше внимание Е.А.Гришина).

(12) Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит –
Все же мне вас жаль немножко,
Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьется локон золотой.

Вне контекста стихотворение остается не вполне понятным; неясен смысл по крайней мере трех слов (два из них – дейктические): *вас*, *жаль* и *здесь*.

Одно понимание – в монологическом режиме, при котором *вас* обращено к атрибутам Петербурга², т.е. явля-

² Обращение к неодушевленным объектам в поэзии вполне обычно, ср. хотя бы: Что будет со мною, старинные плиты? (Пастернак. «Марбург») Большой подбор примеров – в Ковтунова 1986.

ется внутренним адресатом. В этом случае *здесь* должно интерпретироваться анафорически – как относящееся к ранее косвенно упомянутому Петербургу и всему неодушевленному, что с ним метонимически связано. Непонятно, правда, каким образом эти неодушевленности могут вызывать сожаление.

Другое понимание возникает при погружении высказывания в диалогический контекст: оно может быть обращено к адресату, находящемуся в другом пространстве. В этом случае *здесь* приобретает чисто дейктическую интерпретацию и противопоставлено тому *там*, где находится адресат (единоличное право говорящего на *здесь* – в отличие от права на *там*, которое, как мы видели, говорящий иногда должен делить с адресатом, – в русском языке неотъемлемо). Естественную интерпретацию получает *жаль*: говорящий жалеет адресата, который находится в другом пространстве и не может получать наслаждения от ножки и локона.

Короткий комментарий Б.В. Томашеского («Написано в связи с готовящимся отъездом поэта из Петербурга в Михайловское. Последние две строки относятся к А.А. Олениной (1808-1888)») ставит всё на свои места. Никакого внешнего адресата нет. Адресат внутренний; *здесь* анафорическое; всё дело в особом значении слова *жаль*, которое должно пониматься как ‘жаль расставаться’, см. о семантике сожаления Зализняк 1988. Так что неоднозначности того типа, за которым охотился В.В. Виноградов (1976), здесь, пожалуй, нет (т.е. Пушкин не имел ничего такого в виду).

И.И. Ковтунова (с. 118) отмечает в этом стихотворении неоднозначность, которую нельзя не признать: первая строфа может пониматься как номинативное предложение, тогда как *вас* в значении внутреннего адресата требует, чтобы она была обращением.

В заключение остается повторить, что обращение к коммуникативной ситуации позволяет более точно описать значение и особенности употребления ряда конкретных дейктических элементов и, тем самым, глубже проникнуть в суть семантики дейксиса.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. М.: Языки рус. культуры, 1995.
2. Булыгина Т.В. Я, ты и другие в русской грамматике // Res philologica. Филологические исследования. Памяти акад. Г.В. Степанова. М.-Л.: Наука, 1990, с. 111-126.
3. Виноградов В.В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М.: Наука, 1976.
4. Есперсен О. Философия грамматики. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. (Англ. ориг.: Jespersen O. The Philosophy of Grammar. London, 1924).
5. Зализняк Анна А. О семантике сожаления // Логический анализ языка. Прагматика и проблемы интенциональности. М.: Наука, 1988. С.189-213.
6. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986.
7. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки рус. культуры, 1996.
8. Krause M. Überlegungen zu *hin-/her-* + Präposition // Particulae particularum. Tübingen: Stauffenburg, 1998. S.195-217.
9. Lyons J. Semantics. Vol. 1–2. London etc.: Cambridge Univ. Press, 1977.